

А про
свадьбу-то
будет?

**Иван
Шипнигов**

**Непонятный
роман**

Иван В. Шипнигов
Непонятный роман
Серия «Роман поколения»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69752869
ISBN 978-5-17-157684-4

Аннотация

Иван Шипнигов (р. 1987) – сценарист, писатель, автор романа «Стрим» и сборника рассказов «Нефть, метель и другие веселые боги». Лауреат «Московской Арт Премии» и финалист литературных премий «Ясная Поляна», «НОС» и «Национальный бестселлер».

В новой книге «Непонятный роман» две сюжетные линии. В одной герой дает интервью вымышленному ютуб-блогеру, во второй – ночью ищет с другом клад в подмосковном лесу. Пьяное интервью без монтажа становится пространством ностальгии по 2017–2019 годам, когда к вымышленному ютуб-блогеру приходили рэперы и говорили о девушках и творчестве. Романтичная прогулка превращается в психоделический трип, в котором изначальная цель быстро теряется, и главной задачей становится возвращение домой...

Содержание

0:00	Начало пути	6
0:15	Intro	13
1:03	Два голоса и фонарик	15
1:48	Почему ты здесь	18
2:28	В овраге	21
3:12	В домике	25
3:56	Топленое молоко	28
4:40	Развернутая метафора	31
5:25	Второй коньяк	33
5:43	Первый единорог	37
6:17	Два единорога	41
7:11	Депрессия – 1	46
7:51	Интересно проводить время	51
8:17	Депрессия – 2	58
8:45	Вы ушли с маршрута	63
	Конец ознакомительного фрагмента.	69

Иван Шипнигов

Непонятный роман

Дизайн переплета – Элина Кунтыш

Иллюстрации – Анна Хопта

© Шипнигов И. В., 2023

© Хопта А. В., иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

В книге цитируются строки из песен «Ларек (Бородино)» (исполнитель – Ю. Шевчук), «Кэс», «Маленькие ублюдки», «Чистый», «Интро / Время возвращаться», «Положение», «Не прокашляешься», «Я не хочу», «Як 2», «Выходные» (исполнитель – Скриптонит), «Панелька», «Пироман» (исполнитель – Хаски).

Софье Ремез
За все занятия и макарошки

Автор осуждает все наркотики, в том числе алкоголь, и призывает оставаться трезвыми.

0:00 Начало пути

– Он позвал меня на интервью.

– Да ладно?

– Да. Написал в телеге.

– Круто, поздравляю. И что написал?

– Что, мол, давай поговорим просто о жизни. О детстве, о грусти, об одиночестве и о любви. Без политики, без «острых вопросов». Да и какие, говорит, к тебе могут быть острые вопросы. Я, говорит, хочу поговорить не как журналист и блогер, а просто как ровесник. Порефлексировать вместе над ушедшей эпохой. Исследовать наше поколение.

– Ничего себе он пишет в телеге.

– Ну я чуть приукрасил своими словами.

– Когда это было?

– Сегодня. Вчера ты сказал, что готов съездить. А сегодня я пошел сделать запасы. И прямо в «Дикси» он написал мне в телеге. Я же теперь в «Дикси» хожу.

– А «Пятерочка»? Там же справедливо.

– В «Пятерочке» теперь тоже дорого.

– Интересно, а есть еще уровни на понижение?

– В принципе, «Магнит». Но он у меня далеко от дома.

Поэтому хожу в «Дикси».

– И как «Дикси»?

– Пока непонятно. Я долго ко всему привыкаю. Я, когда

переехал на эту квартиру, познакомился с девушкой. Тогда тоже было лето. И жара была, как сейчас. И мы постоянно ходили в это «Дикси» возле дома и покупали там сангрию. Такие, знаешь, литровые бутылки. И весь июнь ее пили вместе. Потом, в июле, девушка ушла, и до конца лета я пил сангрию один.

– Так, истории начинаются.

– А теперь все изменилось. Как будто два разных человека, я тогда и я сейчас. И «Дикси» возле дома отремонтировали, повесили шарики, и там стало уютненько. И я туда снова хожу.

– Сангрия, что ли, опять?

– Да ну какая сангрия, ты что. Я ведь давно не бухаю. В «Дикси» молоко в первую очередь. Раньше молоко стандартно стоило пятьдесят рублей. Ну, сорок девять. А теперь – семьдесят. Шестьдесят девять то есть. Но главное в «Дикси» – кефир. Я как-то попробовал и открыл: кефир и ряженка прекрасно сбивают аппетит. Я всегда их любил, с «комбикормом», как я говорю, с клетчаткой для похудения. Но сейчас я клетчатку и, соответственно, похудание подзабыл, а вот кефир и ряженка прекрасно сбивают аппетит. Но ряженки в «Дикси» нет, поэтому...

– Подожди, как «сбивают аппетит»?

– Ну перед сном, на ночь. Они достаточно вкусные и сытные, чтобы успокоиться насчет еды. Но при этом достаточно невкусные, чтобы не хотелось еще и еще.

– Ооок. Я вот вообще не ем.

– Я вообще не понимаю, как ты это делаешь.

– Ну ты же управляешь своим вниманием. И помнишь, что ты на самом деле не голоден. Но если на язык что-то вкусненькое попадет – все, придется есть бесконечно. Вот как ты со своей «Нутеллой». Поэтому я просто не начинаю есть.

– Ты сверхчеловек, конечно. Я так не могу. «Нутеллу» я уже не ем, ты что. Это слишком даже для нас. Да она и пропала, а там, где не пропала, стоит, как самолет. Но меня вот спасает ряженка.

– Ты же говорил, в «Дикси» нет ряженки.

– А в «Пятерочке» прекрасная ряженка. Но самая лучшая ряженка, конечно, в «Мяснове». Но там зато...

– Подожди. Когда поехали, ты начал рассказывать, что прошлой осенью делал.

– Да. Сентябрь, октябрь и полнобья ничего не делал, просто сидел. Ну как сидел. Как обычно вроде жизнь идет, и даже хорошо идет, внешне. А внутри тебя ничего не происходит. И ты знаешь, что праздников больше не будет. Взрослые не ждут праздников.

Вот в детстве постоянно ждешь праздника. Нового года прямо вообще ждешь. У нас же детство в девяностые было, и оно было бедное, и не было ничего. «Дикси» с «Пятерочкой» тогда очень всем помогли бы. Но и их тоже не было.

Я однажды в детстве подслушал взрослых, когда спать лег.

Как обычно, лежу, мечтаю, спать не хочу. Слышу, на кухне говорят: «Семейный бюджет, семейный бюджет». Я прибежал на кухню, закричал: «Ура! Мы теперь богатые! Богатые!» Меня, главное, долго не могли понять. А для меня было очевидно: по телевизору постоянно говорят «бюджет, бюджет». Про бюджет всей страны. А это же какие-то миллионы, миллиарды, триллионы. И я решил, что любой бюджет – это куча денег. И раз у нас тоже есть бюджет, пусть и семейный, значит, мы теперь богатые. Не миллионы, но на еду теперь всегда хватит. Долго мне не могли объяснить. А потом еще долго не могли успокоить.

Я сосиски до сих пор не люблю. То есть с тех пор не люблю. Соня мне постоянно говорит про сосиски, как это удобно, быстро, достаточно вкусно и сытно. А я все равно не люблю. Потому что году в девяносто третьем – да, я в первом классе был – врач сказала, что у меня низкий гемоглобин. Сейчас бы вспомнить, конечно, врача, почему она так сказала, как я себя тогда чувствовал. Каким я был. Да не вспомнить уже ничего, конечно. Да и не надо. Помню только, что ел сосиски, просто вареные, без ничего. А все взрослые стояли на кухне на пороге и смотрели, как я ем. Понимаешь? Врач, видимо, сказала поднимать гемоглобин какой-то хорошей едой, и вот лучшее, что тогда нашлось, на что хватило «бюджета» – сосиски. Их ел только я. Взрослым нельзя сосиски.

Но главное – это, конечно, Новый год. А чуть ли не в том

же первом классе я нашел под елкой «Лего». Это сейчас это-го «Лего» у детей как грязи. Ну то есть, было как грязи, но теперь дети тоже будут жить на старых запасах деталей. А у меня был один набор: *пляж*. Там человечки лежали на маленьких белых шезлонгах. Даже девушки-человечки были, прямо в купальничках. Такие квадратные, но кругленькие. Красный велик был, пальмочка стояла в углу. То есть с краю доски, типа на пляже, на желтеньком, была жизнь, расслабленная такая. А вся остальная доска голубенькая, типа море. Я один раз собрал этот *пляж*, и он мне не понравился. Грустно от него стало. Такая придуманная жизнь, которой мне никогда не жить. Праздник, которого мне лучше не ждать. Разобрал этот *пляж* быстро, и с тех пор собирал из набора только космические корабли. Каждый раз разные. Класа до пятого упарывался одним этим набором, прикинь. Даже велик пригодился: колесики, фонарик, руль. Единственное – про пальмочку не придумал, как ее использовать в космических кораблях. Потом потерялась.

И были с Соней прошлым летом в Анапе. Там, кстати, сейчас живет Ульяна. Это отдельно, конечно, надо рассказывать, и как были с Соней в Анапе, и про Ульяну. Соня нашла уютный такой отель, казалось, прямо на пляже. И выходишь когда, соответственно, сразу на пляже оказываешься. И это не обычный пляж в Анапе, когда толпы лежат и пройти нельзя. А вдали от всего, неожиданно расслабленный, свободный и чистый пляж. С балкона нашего все было как в том моем

«Лего». Даже девушки в купальниках на белых шезлонгах. Вроде бы праздник, а все равно грустно. Но это, наверное, потому, что я тогда наглотался в море воды с палочками, и меня полоскало двое суток. Но это надо отдельно рассказывать.

– Не надо.

– Да. А еще с тем «Лего» мне подарили набор шоколадок: «Сникерс», «Марс», «Баунти», «Твикс»... Какие еще были? Все шоколадки, которые по телеку тогда постоянно показывали. Только не помню, поделился ли я со взрослыми. Взяли они эти шоколадки, или так же стояли смотрели, как я поднимаю себе гемоглобин? Про некоторые вещи все-таки хорошо ничего не помнить. А шоколадки эти я до сих пор люблю. Хоть и не ем, конечно. Страшно представить, сколько можно съесть таких шоколадок, если вовремя не сбить аппетит. Взрослым нельзя шоколадки.

Вот эта грусть постоянная – она, наверное, оттого, что я ничего не помню по-настоящему. Как будто у меня жизнь не совсем настоящая, и стыдно, не нужно ее помнить. Такую, с сосисками, гемоглобином, «бюджетом». И я всю жизнь придумывал себе другую жизнь. Такую красивую, праздничную, с шоколадками. Такой вечный *пляж*, которого, конечно, тоже давно уже нет. Он пластмассовый, раскрашенный, и пальма дурацкая. И та потерялась. Возможно, это «Лего» я вообще себе придумал. Не помню, какое у меня на самом деле было детство. И какой я настоящий, тоже не знаю.

Вот сентябрь, октябрь и ноябрь просто сидел. Пытался что-то понять, кое-что вспомнить. Ничего не понял и еще больше забыл. Более того, стало еще более грустно. А тут все сложилось: он позвал меня на интервью. И ты согласился съездить.

– Приехали вроде.

0:15 *Intro*

- Борьба алкоголя с наркотиками.
- Сказочный лес, волшебный коньяк...
- Объясни нашим зрителям, что такое бражка.
- Людей нет, коньяк есть, что еще нужно?
- И вот среди прочего запретили бухло.
- Я бы запретил всего одну вещь: запрещать.
- Почему кто-то должен был вызвать полицию из-за того, что ты шел по двору босиком?
- Ты же знаешь, что настоящий путешественник – тот, кто не преследует цель, но любит путь?
- А ты заметил, что наша изначальная цель потерялась?
- Происходит что-то, чего не может произойти.
- Время в последнее время вообще идет очень странно.
- У этого всего должно быть какое-то объяснение.
- Я тогда купил коньяка, ну, бутылку. И выпил.
- Как все завязавшие люди, осуждал то, с чем завязал.
- Я тоже женился в тридцать пять и тоже на Софье. А до тридцати пяти – тоже пьянство и разврат, конечно.
- Милфы?
- Без порноплатьев.
- Хорошее было время.
- Теперь уже про пьянство и разврат можно.
- Мы теперь странники, божьи люди.

- Сознание ясное, не раздвоенное.
- Заблудился.
- Мы не заблудились. Мы спрятались.
- Но все-таки это свобода.
- Я убрал лишние слова.
- Ты будешь спать, а я буду рассказывать.
- Бог пошлет тебе читателей.
- Я слышу голоса, я вижу тени.
- Мне иногда кажется, что я тут у вас самый трезвый.

1:03 Два голоса и фонарик

– Про «Нутеллу» рассказывать?

– Да подожди со своей «Нутеллой»... Надо сначала понять, куда идти.

– Вот это мне всегда было сложно. Мне кажется, идти надо туда, где темнее.

– Все, я понял вроде. Погнали.

– Да. «Нутелла». Были с Соней как-то в «Ашане». У меня возле дома же, знаешь, «Ашан»? Вечером после ужина ходим туда иногда прогуляться, когда совсем нечего делать. Правда, когда домой потом приходим, снова, как правило, ужинаем. Ну как ужинаем. Легкие закуски. Знаешь, что такое легкие закуски?

– Тихо.

– А?

– Не... Показалось.

– Да нет тут никого.

– Тише все равно говори. Так, легкие закуски, «Нутелла»?

– Не, «Нутелла» – тяжелые закуски. А легкие – чиабаттка с творожным сыром и красной рыбой.

– Ну и закуски у вас... Осторожно, здесь глина скользкая.

– А долго еще идти?

– Полчаса точно.

– Мы еще в начале пути. Ночная дорога грустна, если ря-

дом нет собеседника. Я всегда мечтал погулять ночью в лесу вот так вот летом. Летом лучше всего в деревне. У меня в детстве было такое понятие: «открытое лето». Это когда ночью все двери и окна открыты, а все равно душно. И все сидят и перебирают клубнику. Вот, я же про клубнику хотел рассказать.

– Про «Нутеллу» ты хотел.

– Так а почему нельзя про «Нутеллу» и клубнику сразу.

– Ты можешь «Нутеллу» с клубникой... Слушай, а мы, походу, пришли.

– Уже?!

– Тихо... Да, точно. Тут *GPS* непонятно работает. Сначала показал, что нам полчаса еще идти. А сейчас показывает, как будто мы уже на месте. Теперь надо искать дерево.

– Раздвоенное.

– У тебя сознание раздвоенное. Дерево ищи.

– А вот оно.

– Да блин, они тут все раздвоенные!

– Нет. Это оно. Я его чувствую.

– А краска зеленая? Смотри, на фотках краска. Так на них на всех краска... Откуда она вообще тут? Кто тут деревья красил?

– Неважно это все. Знаешь, что важно? Под раздвоенным деревом с зеленой краской должна быть бутылка разбитая из-под коньяка. Типа «Коктебеля». Такой, не очень, конечно, коньяк...

– И где она?

– А вон блестит. Пожалуйста.

– Вот у тебя глаза все-таки...

– Так я же глаза-то сделал. Но главное, я это дерево чувствую. Хочешь, расскажу?

– Про что?

– Как я глаза делал.

– Я хочу, чтобы мы спокойно отсюда сейчас уехали. А ты потом можешь рассказывать про глаза, про «Нутеллу», про клубнику. Ищи, чем копать.

– А у меня ложка есть, специальная, для «Нутеллы», икевская. Я ее украл. Ну как украл...

– Копай.

– Копаю. Слушай. Тут бутылка.

– Какая бутылка?

– Коньяка. Типа «Коктебеля». Не типа, а...

– Смотри еще везде! Сверточек такой, изолентой обмотанный.

– Да не свети в глаза. Нет тут больше ничего. Я чувствую.

– Реально, бутылка коньяка?

– Да. Борьба алкоголя с наркотиками.

– Они издеваются, что ли... Слышишь?

– Да.

– Тихо сиди. Нас тут нет.

1:48 Почему ты здесь

– ...Ни музыки особенной, ничего того, за что мы его любим. Просто простенький суховатый бит, трогательные клавиши и текст, неожиданно понятный. Такой грустный дружеский разговор: «И лучше не пробовать ниче кроме растений, кроме растений».

– И ты хочешь такой роман написать?

– Ну типа да. Такой же по атмосфере, по настроению. Дружеский задумчивый разговор. Маленький роман. Без ничего.

– Интересно. Роман «без ничего».

– Я не знаю, интересно ли получится. Я, когда пишу, я не пишу. Я ищу. Ищу непонятно что неизвестно где, и часто оказывается...

– Подожди. После «растений» прилетит наша традиционная плашка. Которую мы ради тебя изменили: «Здесь говорят о наркотиках. Никогда не пробуйте их. Наркотики – самая большая *беда*, которая может случиться в вашей жизни». Почему ты поставил такое условие: в нашем интервью не должно быть мата?

– Хочется говорить на каком-то универсальном языке. Чтобы и дети, и бабушки к нам подключились.

– Ты хочешь говорить с детьми и бабушками о наркотиках?

- Я вообще не хочу говорить о наркотиках. Я хочу говорить о Соне, о еде и о литературе.
- Но интервью ты все равно хочешь без мата?
- Без.
- Хорошо. Тогда у меня встречное предложение. Давай устроим пьяное интервью.
- Может, не надо?
- А хочется говорить на универсальном языке.
- Я не хочу бухать.
- А тебя никто не спрашивает.
- Так в интервью ведь должны что-то постоянно спрашивать...
- А я не готовился. Давай. Коньячеллы!
- А что за коньячелла?..
- «Коктебель».
- Ох, боюсь я.
- А мы не боимся ничего. В том числе продакт-плейсмента. «Коктебель»! Да с шоколадочкой! Да с «Альпен-Гольди-ком»!
- Ну... Ладно. Наливай. Спрашивай.
- А я не буду ничего спрашивать. Говори, что хочешь.
- Да вроде ничего не хочу.
- Ладно. Тогда, как ты думаешь: почему ты здесь?
- Ну и вопросы у тебя. Мы все, если задумаемся, где мы, можем надолго залипнуть на этом вопросе. А «почему» – вообще лучше не задумываться. Но все-таки...

– Вот давай, «все-таки». Рассказывай пока тут. Я отлить схожу.

2:28 В овраге

– Лёнич, может, коньяк пока откроем?

– Ты поехавший? В смысле – «пока»?

– Ну, пока они не уедут.

– Иван, тихо сиди, я тебя прошу.

– Да они далеко, и сейчас уедут. Давай нервы немножко

успокоим.

– Я сейчас тебя успокою... А что они здесь делают?

– Ну мало ли.

– Вот именно – мало ли!

– Ну не знаю. Деревья красят.

– Ладно, давай выпьем. Тихо только. Ни запивки, ни за-

кусить ничего нету...

– А шишкой занюхать, и нормально.

– Какой шишкой?

– Ну кедровых тут, конечно, нету. Вот, обычной, сосновой. Я, кстати, ел варенье из шишек. Хочешь расскажу? Там такая драма была.

– Из-за варенья из шишек?

– Не... Испугался я тогда семейной жизни. Устал быть постоянно нормальным. Спад у меня, в общем, был. Ну, ты знаешь, когда у меня спад... Да, я же хотел рассказать. Главная драма была у нас из-за «Нутеллы». Кстати, вот «Нутеллой» коньяк вообще отлично закусывать.

– «Нутеллы» же, как я понимаю, нету. Ты же ее не носишь с собой, я надеюсь?

– Если ее носить с собой, и ее у тебя найдут, сразу же поймут, что ты поехавший.

– Давай свою шишку. Реально, их есть можно?

– Не, эти обычные сосновые нельзя. Максимум занюхать.

– Они ядовитые, что ли?

– Да нет. Просто невкусные. Вот бы сейчас кедровых шишек найти.

– Так. Все. Давай коньяк свой.

– Он не мой.

– Вот и интересно, чей. Хотя когда бы я так собрался: коньяк из горла ночью в лесу...

– На свежем воздухе хорошо. Похмелья не будет.

– Я надеюсь, похмелья не будет, потому что ты не собираешься его весь выпивать. Нам еще идти.

– А куда?

– Вот это хороший вопрос. Мы с тобой вообще не туда пошли. Когда там наверху шли, *GPS* как-то подозрительно быстро показывал. А здесь, в овраге, карта уже похожа на правду. Хотя должно быть наоборот. И я как будто от тебя заразился этим...

– Кретинизмом.

– Да. Топографическим.

– И не только.

– Овраг огромный. И наша точка на том конце. Ну пра-

вильно, полчаса, это километра два должно быть. Но когда они уедут...

– А уезжают.

– Правда?

– Ну вон, что-то как будто грузят в машину. Садятся.

– После этой операции на глазах ты в темноте, что ли, стал видеть? Как летучая мышь.

– Мыши не видят. Они чувствуют.

– Ну вот, говорю же, как ты. А правда, уезжают.

– Вон, все, на дорогу выехали. В сторону того «Бургер Кинга» на заправке едут. Я бы сейчас тоже не отказался от «Бургер Кинга».

– Все. Пойдем.

– Ну сейчас, коньяк допьем и пойдем потихоньку.

– Пошли!

– Ладно... Так вот, про «Нутеллу». Увидели с Соней в «Ашане» «Нутеллу» по акции. Что-то типа четыреста семидесяти рублей большая баночка шестьсот тридцать грамм. Прикинь, найти шестьсот тридцать грамм «Нутеллы».

– Надеюсь, сегодня найдем. Не шестьсот тридцать, конечно.

– Я, естественно, Соне: давай купим. А она мне говорит: нет. Просто нет.

– И что дальше?

– Дальше драма. Она из-за фигуры переживает. Сама не хочет есть и мне не дает. Ну хочет, конечно, но запрещает

себе и мне заодно. Но потом все равно едим, конечно. А я всю «Нутеллу» во всех «Ашанах» отдал бы за ее фигуру.

– Дальше-то что? «Нет. Просто нет» – и?

– Дальше драма, говорю. Мы тогда из «Ашана» шли назад вместе, но Соня шла в наушниках, как королева драмы. И теперь, когда в прихожей собираемся куда-то, она каждый раз спрашивает: «Наушники-то *брать?*» Знаешь, как меня бесит, когда она долго в прихожей собирается.

– Ну и драмы у вас. Дай глотнуть тоже.

– Не очень, конечно, коньяк.

– Ты его вообще бесплатно нашел.

– Бесплатно – не значит даром.

– Так, пошли мысли Ивана. Коньяк у меня будет.

– Да не нужен мне твой коньяк.

– Интересно все-таки, чей он.

– Ну может этих, которые приезжали. Прячут в лесу коньяк.

– Зачем?!

– Вопрос для целого интервью...

3:12 В домике

– Тебе свойственно прятаться?

– Да, как всем, наверное. Я в детстве любил строить домик из диванных подушек. Накрылся покрывалком, и сразу уютно.

– Все любили.

– Ну конечно, перестроечное детство.

– Ты его помнишь?

– Помню какие-то поэтичные, трогательные эпизоды. Но, скорее всего, я их себе придумал.

– Например?

– Году в девяностом – сколько мне было? – три года, получается, сестра Марина брала меня с собой в магазин. И пока стояла в очереди, сажала меня на прилавок. Помнишь, были такие прилавки, или как они назывались?

– Помню.

– И вот я там сидел и болтал бесконечно. Интервью давал тетенькам в очереди.

– В три года болтал?

– Ну да, самое же время для болтовни. Самое интересное, что и в тридцать три почти то же самое.

– Три раза подряд «самое».

– Просторечная речь.

– «Просторечная речь».

– Мне можно. О чем я говорил?

– Болтаешь много.

– Да! Тебя не спрашивают, а ты все равно болтаешь.

– Я тебя спрашиваю.

– Вот, и я отвечаю. А то обычно утром Соня мне говорит.

опять всю ночь интервью давал во сне самому себе.

– Ты разговариваешь во сне?

– Конечно. Как все.

– Я не разговариваю во сне.

– Ну ты на работе много разговариваешь.

– Это правда. О чем ты говоришь во сне?

– Откуда же я знаю. Я не то что во сне – мы и в жизни-то не очень понимаем, о чем говорим.

– Сейчас мы говорим о том, свойственно ли тебе прятаться.

– Свойственно.

– Ты сказал про подушки и покрывалко. Не думаешь ли ты, что вещества – это тоже домик, в который люди прячутся?

– Наверное. Конечно.

– В чем ты прячешься сейчас?

– Сейчас? Ни в чем. С тобой разговариваю вообще-то. На многомиллионную, извиняюсь, аудиторию.

– Хорошо.

– И?

– Что «и»?

– Ну, ты сказал «хорошо» и замолчал. Дальше вопрос какой?

– У тебя и без вопросов неплохо получается отвечать.

– У нас ведь интервью.

– Считай, что у нас интервью ведет нейросеть.

– Но есть же законы жанра.

– Извини, что-то меня рубит с этого коньяка. Я пойду посплю буквально полчасика. А ты пока говори тут. Про прилавки, про домики из диванных подушек.

– Меня тоже рубит.

– Сделайте кофе ему.

– С топленым молоком, если можно, пожалуйста.

3:56 Топленое молоко

- У меня же кофе есть в термосе, с топленым молоком. «Коричневым», как Соня говорит. Будешь?
- С топленым? Как им коньяк-то запивать.
- Нормально. Я этот термос тоже в том «Ашане» купил, где «Нутелла» и драма.
- Да как ты надоел со своей «Нутеллой». Ты можешь говорить о чем-то, кроме еды?
- «Нутелла» – не еда, а праздник. Как сейчас мы идем, по сути, за праздником. Сколько, кстати, идти?
- Подходим.
- Какой овраг все-таки бесконечный. У Чехова же знаешь позднюю повесть – «В овраге»?
- Не знаю.
- Страшная очень. А здесь, в этом овраге, почему-то не страшно. Наоборот, уютненько. Вот ты говоришь: отношения...
- Я так не говорю.
- Попробуй, кстати, коньяк с моим кофе. Получается коктейль типа ликера.
- Я не хочу коктейль типа ликера, дай коньяка просто.
- Да. Отношения. Мне кажется, в них должно быть в первую очередь уютненько. Любовь – это такой домик, в котором двое могут спрятаться от всего мира.

– Ты все, что ли, выпил? Мысли Ивана идут.

– Не, тут много еще.

– В кофе прямо налей, попробую твой «ликер».

– Точно. Кофе же стимулятор. А алкоголь депрессант. И

они вместе...

– Это ты депрессант. Пришли, кажется. Фонарик включи.

Вот на это дерево свети. Чувствуешь, оно?

– Неа. Вот это.

– Почему?

– От него энергия идет.

– Так, и еще примета... Как будто какие-то семечки...

Шелуха... Что это вообще?

– Расширь побольше фотку. А это скорлупки от кедровых орехов. И они под этим деревом. Как я и говорил. Только откуда они здесь...

– Копай.

– Я, кажется, ложку для «Нутеллы» потерял.

– Не беси меня, а то я не поеду с тобой больше.

– Да не ругайся. Палочкой вот сейчас.

– Есть?

– Есть вроде что-то... Энергия идет.

– Есть?!

– Есть.

– Бери, погнали!

– Слушай. Тут шишки.

– Ну все, поехали отсюда быстрее.

– Подожди. Тут правда шишки, настоящие, кедровые. Ну которые я рассказывал, с орешками.

– Да что вообще происходит... Видишь?!

– Да.

– Кто это?!

– Кто-то... на конях. На лошадях.

– Тихо сиди. Термос убери.

– Кто это может быть, как думаешь?

– Убери термос, он блестит от луны!

– И кони какие-то непонятные... Типа единорогов.

– Спрячься. Как будто тебя вообще нет.

4:40 Развернутая метафора

– ...А прикинь, счастье запрещено законодательно?! Вот просто запрещено, и все.

– Объясни.

– Ну это метафора. Можно же объявить запрещенным все что угодно. Просто напечатать на бумажке и сказать, что теперь правильно так, как там напечатано. А то, что не напечатано, нельзя.

– Извини, но это пахнет поздним Толстым. Таким анархическим поздним Толстым.

– О, ты знаешь, что такое поздний Толстой. Респект.

– Я понимаю твой сарказм. Давай еще выпьем, и я объясню свой вопрос. Шоколадочку бери.

– Я на диете.

– Респект. Смотри. Эти рассуждения всегда пахнут...

– Два раза «пахнут».

– Спасибо, у нас есть редактор. Эти рассуждения *отдают* желанием упарываться всем сразу. Что ты думаешь про это?

– Я думаю то, что...

– «Думаю то, что» – нельзя так говорить.

– Я думаю, что алкоголь – это очень плохой наркотик. Вот смотри, метафора: у человека есть бочка варенья...

– Ты так рекламируешь это свое варенье. Дай я его все-

таким попробую.

– Попробуй.

– Слушай, а что это? Земляника?

– Земляника – унылая безвкусная подмосковная ягода. А это наша сибирская клубника, эндемик.

– Клубника же большая такая. Дайте ложку!

– Большая клубника еще более унылая.

– Слушай. Офигенское варенье. Я уже вижу, как на него нацелились коршуны из нашей банды. Пойду-ка я спрячу его.

– Спрячь.

– А ты пока продолжай про свои метафоры.

– Коньяк кончается.

– Коньяка еще тоже зацеплю.

– И ложку мне.

– Зачем ложку? Я тебе это варенье назад уже не отдам.

– Не, для «Нутеллы», коньяк закусывать.

– Ты же на диете?

– «Нутеллу» можно.

– Оок.

5:25 Второй коньяк

- Лёнич, они были на единорогах.
- Кто «они»?!
- Конная полиция.
- Ты нормально себя чувствуешь?
- Они на лошадей простыни могли накинуть. И рожки какие-нибудь картонные приделать.
- Я сейчас тебе рожки приделаю.
- Ну, может, что-то типа Ку-клукс-клана! Помнишь, как у Тарантино.
- Seriously: ты употреблял сегодня что-нибудь?
- Коньяк.
- Употреблял?!
- Коньяк пью весь вечер с тобой!
- Дай сюда.
- Да тут не осталось почти ничего.
- Ладно, извини... Я тоже перепугался.
- Допей, успокойся. Они уехали.
- Куда, видел?
- В лес туда дальше. Может, домой поедem? Не найдем мы сегодня ничего, я чувствую.
- Подожди, дай подумать. Ты точно нормально?
- Ну да. Устал только, и прохладно уже.
- Допивай, тут еще осталось. Ты говоришь, на лошадях

какие-то белые накидки были?

– Не совсем белые. Скорее цвета топленого молока.

– А «рожки» на что были похожи?

– Рожки даже я не видел.

– Почему тогда ты решил, что это единороги?

– Да не волнуйся ты так. В любом случае, они уехали. Ну просто что-то показалось в темноте. Полнолуние же еще.

– Ладно. Давай еще один заход сделаем. Не найдем – домой поедем.

– Давай. Я согрелся уже.

– Откуда у тебя еще один коньяк?!

– У меня с собой был... Я не хотел тебе сначала говорить.

Но я подумал, что холодно будет. И когда ехал к тебе, зашел в «Пятерочку». И оказался прав.

– Тот первый тоже твой был?

– Не, тот я честно нашел при тебе. Кстати, орешки же еще есть. Будешь?

– Да подожди со своими орешками. Меня волнует *GPS*. Надо вернуться к началу оврага, откуда мы зашли в лес. И теперь пойти уже нормально. Условно говоря, почти от машины. А *GPS* показывает, как будто нам до того места... Ну очень много идти. Сейчас я телефон перезагружу.

– А потому что не надо картам верить. Я всегда вам говорю.

– Кому – вам?

– Тебе и Соне. Она тоже картам верит. А потом ходим с

ней непонятно где.

– А кому верить надо? Тебе?

– Мне тоже, конечно, не всегда надо верить. Но сейчас я чувствую, что идти надо туда. По ощущениям.

– Можно я все-таки картам поверю? Не хочу тут до утра ходить по твоим ощущениям. Все, понятно вроде. Пошли. Давай свой второй коньяк.

– Орешки тоже бери.

– Как их щелкать надо? Как семечки?

– Не. Поперек.

– Покажи.

– Я не могу. У меня зубы.

– Зубы, глаза, что у тебя еще?

– Ощущение, что идти все-таки надо туда.

– Да я уже не знаю, как реагировать на твои ощущения.

Правда, что за «единороги» там были?

– Да просто воображение разыгралось. Дай глотнуть тоже.

– Понемножку только пей.

– Да ладно. Может, еще найдем.

– Я надеюсь, мы найдем все-таки то, что ищем.

– Нормально все будет. У меня ощущение хорошее появилось.

– Вкусные орешки.

– А у тебя талант их щелкать. Хочешь, расскажу, как я в тайгу за шишками ездил?

– Эти из тайги, что ли?

- Эти я не знаю, откуда. А обычно в тайгу за ними ездят.
- Ну расскажи, пока идем.
- Боюсь, сейчас расскажу, ностальгия набросится...
- Главное, чтобы единороги опять не набросились. Тайга
- это типа такого леса?
- Не, ты что, она совсем другая!
- Тише только говори.

5:43 Первый единорог

- Почему на тебе сейчас майка с единорогом?
- Ты второй коньяк принес. Даже я не откажусь.
- Единорог: почему он здесь?
- Это моя манифестация наивности.
- Объясни.
- Наливай.
- Так, а на закусь что?
- Варенье.
- Варенье я спрятал. «Нутелла» где твоя?
- Ушла.
- Куда?
- На закусь.
- А как ты без ложки?..
- У меня с собой, оказывается, была ложка, в рюкзаке случайно завалилась. Ну и пока ты ходил за второй бутылкой, я первую добил... Под «Нутеллу».
- Оок. Давай тогда с шоколадочкой.
- Давай.
- Единорог.
- Да. Меня часто упрекают в наивности. В излишнем оптимизме. В инфантильной доверчивости к миру и к людям. И вот, мои оппоненты иногда в шутку называют меня единорогом.

– Кто твои оппоненты?

– Любимая женщина.

– Так. А еще?

– Пожалуй, всё.

– Приведи пример.

– Ну допустим, кто-то поздравляет в соцсетях с днем рождения, и я радуюсь. А Соня потом объясняет: смотри, там же на самом деле сарказм. Ехидство. Едкое издевательство...

– Она прямо так и говорит?

– Ну не совсем так. Но мы же договорились интервью без мата.

– Так. Еще пример?

– Ну или гуляем по Лефортово. Там есть всякие непонятные места, которые выглядят как заброшенные. Такой вайб в целом у Лефортова. «Вайб» – так еще говорят?

– Тебе можно.

– Ну вот. Вайб. Трамвайное депо, со старыми еще трамваями. Романтика эта вся старомосковская. Над которой я, в свою очередь, посмеиваюсь. Хотя и люблю Москву – и старую, и новую. Москве же все идет. Она как идеальная женщина, которая может надеть любое случайное платьишко, купленное на бегу, за копейки, и у нее потом все спрашивают – а где ты купила это потрясающее платьишко?! Собственно, моя любимая женщина такая.

– Ты хотел привести пример наивности.

– Да. Идем по Лефортову, видим депо, я хочу зайти, она

говорит, что нельзя. Подходит охранник и спрашивает: может, вам еще экскурсию провести? Я радуюсь: а можно?! Даже охранник смеется. А она потом называет меня единорогом.

– Любимая женщина в шутку называет тебя единорогом, и ты воспринимаешь это как упрек?

– Да.

– Я бы считал это комплиментом.

– Вот она тоже, кстати, так считает: все хоть сколько-то обидное надо на всякий случай воспринимать как комплимент.

– Выигрышная позиция.

– Мне кажется, это защита неуверенного человека от травмирующих оценок.

– А ты уверен в себе?

– Нет, конечно. Но я не прячусь от оценок в безусловном одобрении. Придуманном, как домик, о котором я уже говорил. Эта вся безусловная любовь...

– Наше интервью становится все больше похоже на сеанс терапии. За которую мне, напомню, не платят.

– Подожди, а умная колонка?

– Какая колонка?

– Умная. С которой можно бухать.

– Ну какая колонка, с кем там бухать. В этом выпуске снова, как встарь, будет сервис дешевых авиабилетов.

– Ностальгия и в каком-то смысле тоже романтика...

– Так, а чем тебе не угодила романтика?

– Ну смотри. Я же из деревни родом. И я рассказываю любимой женщине про кур, поросят, телят. И она их почему-то называет «друзья». И это все милота и романтика. А эту вашу городскую, псевдоинтеллигентскую, а по сути мещанскую эстетику я не люблю.

– Шоколадочка, я так понимаю, тоже ушла?

– Да, кстати.

– Ну что, пойду я опять за закусью.

– Побольше прямо всего бери.

– А ты тут пока рассуждай про романтику.

– Эстетику.

– Ну про эстетику. Все равно на монтаже потом выкинем.

6:17 Два единорога

- Иван, а давай на машине ближе туда подъедем.
- А почему мы сразу туда на машине не подъехали?
- А ты помнишь, как мы на Можайке тогда застряли?
- Ну застряли – вытащили.
- «Вытащили». Ты не помнишь разве?
- Не помню.

– А я помню. Я до поселка тогда дошел. Нашел трактор возле дома, постучался. Вышел мужик, явно еще со вчерашнего пьяный. Сказал: «Да, конечно, я вас вытащу, только на работу сейчас съезжу». Сел в трактор и уехал. Потом сами до вечера машину вытаскивали.

- Весело было.
- Не думаю.
- Ну хорошо, пойдем пешком опять.
- Холодно. Поздно. Здесь глины вроде нет. Мы же тогда

в глине застряли.

- Поедем тогда?
- Давай рискнем. Садись. Ноги обстучи друг об друга.
- Печку только включи. Наши поездки на Можайку, конечно... Столько историй было. «Арию» помнишь?!
- Слушали «Арию», помню, ага.

– Да ты не помнишь! Вы мне сказали: накачай с собой «Арии». Я накачал. Вечером сидели у костра когда, расслаб-

ленно так было еще, хорошо. Я включил «Арию», и как будто две «Арии» заиграло.

– Ааа!

– Там был фест какой-то, с другой стороны озера. Мы даже до сих пор не знаем, что за фест там был.

– «Рок над Можайкой».

– Правда?

– Ну откуда я знаю. Прикольно было, что когда мы захотели послушать «Арию», из-за озера заиграла настоящая «Ария».

– Это не настоящая «Ария» была.

– Ну без Кипелова, да. Но все равно круто, живьем.

– Сколько мы этой «Арии» в общаге переслушали. У нас с Киричем даже был такой концепт: «Ария» с водкой. Общага же, юность, студенчество. Целыми вечерами сидели, пили водку, слушали «Арию». Но это вдвоем. А один я слушал «Агату Кристи» под портвейн «Три топора».

– Ты застал его, что ли?

– Я спирт «Рояль» в ларьке у Мучачоса не застал. А «Три топора» прекрасно застал.

– Спирт «Рояль», «Три топора», ну и юность у нас была...

– Конечно. Ты, кстати, жалеешь, что не жил в общаге?

– Не очень.

– А я жалею.

– Ты же жил в общаге.

– Нет, юность эту всю непонятную жалею. Зачем столько

пили? Под портвейн я слушал «Агату Кристи». Один. У меня тогда депрессия была.

– У тебя же потом депрессия была.

– Потом у меня была настоящая депрессия. Когда я по очень большому блату попал к очень крутому врачу. И он меня поправил буквально за месяц, одними таблеточками. А тогда, на третьем курсе, как я сейчас понимаю, у меня тоже была депрессия. Тоже настоящая, но я тогда не мог по блату пойти к врачу. И на втором курсе она у меня была, скорее всего. И на четвертом тоже. Когда у меня не было депрессии в универе?

– На первом и на пятом, получается.

– На первом курсе я еще ничего не понимал. А на пятом уже все равно было. Что-то лес опять какой-то знакомый.

– Что характерно, ты угадал. Подъезжаем вроде к тому самому месту. И *GPS* не глючит больше. Шли когда здесь – он глючил. А здесь, в машине, все четко показывает.

– Ну слава богу. Так что я говорил?

– «Агата Кристи» под водку.

– Ну ты смеешься надо мной.

– Ну расскажи.

– На третьем курсе, весной, у меня был расцвет депрессии. Пик спада. Я, как всегда, сидел на прудах под общагой.

– Холодно, наверное, на прудах было сидеть.

– Так я днем сидел.

– Оок.

– Но я и ночью сидел, но зимой. Но тогда я пил «Балтику-девятку». И слушал Земфиру¹. Это к вопросу о Мучачосе.

– Ооок.

– Но это надо отдельно рассказывать. Но там, в принципе, все переплетается.

– У тебя все всегда переплетается.

– Это не у меня. Так вот, пил портвейн «Три топора» и слушал альбом «Чудеса» «Агаты Кристи».

– Упоротый, что ли, был.

– Вот именно. В этом сочетании было что-то психоделическое. Сiju на прудах первого апреля две тысячи восьмого года, и мне звонят с концерта Земфиры²...

– Все. Мы попали.

– В смысле... Кто это?!

– Полиция. На лошадях. Конная, как ты говорил.

– Разворачивайся, поехали отсюда! Они на лошадях не догонят!

– Куда я поеду через лес?!

– Блин, они прямо нас останавливают...

– Ну а кого ты еще тут видишь?! Все, попали.

– Спокойно! Это не полиция.

– А кто?!

– А почему они белые опять, как единороги?!

¹ Внесена в реестр лиц, признанных Минюстом РФ иностранными агентами.

² Внесена в реестр лиц, признанных Минюстом РФ иностранными агентами.

– Лошади белые просто!

– Тихо. Спокойно. Говорить буду я.

– Черт, я же еще коньяк пил... Сиди молча и дыши в мою сторону! Ну все, все...

– Доброе утро. Лосиноостровский полк конной полиции, прапорщик Попов. Ваши документы, пожалуйста.

– Пожалуйста.

– Употребляли сегодня что-нибудь?

– Я коньяк!

– Пассажир, вопрос не к вам. Водитель, откройте багажник. Сержант, досмотри салон.

7:11 Депрессия – 1

– На втором, третьем и четвертом курсе у меня была депрессия. Хотя нет, на втором у меня были, как это сейчас говорят, токсичные отношения. Ну когда оба еще дети и ведут себя как дебилы. А перед четвертым я уже встретил хорошую очень девушку, Ульяну. На первом еще ничего не понятно. На пятом уже слишком поздно... А на третьем, получается, депрессия. Причем главный вопрос, что первично: бухло вызывает депрессию, или, наоборот, депрессия провоцирует бухло?

До этого я пил обычно, по-студенчески, в компаниях. Причем старались пить, как бы это сказать... изысканно. Например, накачивали арбуз водкой, через шприц, в августе. У нас напротив общаги на Вернадского, на улице Кравченко, был арбузный развальчик, и мы, соответственно, весь август делали и употребляли эти бухие арбузы. Ну как-то, говорю, пытались проявить какое-то творчество. Помню, на первом курсе на моем дне рождения пили абсент. Сначала поджигали его, как положено, потом просто чистый пили. Причем мешали с водкой. Одному чуваку вызывали скорую. А я от этого абсента в первый раз в жизни словил глюки, по мне как бы пауки ползали, причем почему-то белые. Хотя, возможно, я эти глюки потом себе придумал. Но все равно было как-то интересно на первом и втором курсах.

А на третьем я уже начал бухать в одно лицо, как король драмы. «Балтика-девятка» у меня была коронный напиток. На Кравченко был ларек старого образца, где пиво и сигареты, круглосуточный, помнишь, были тогда такие ларьки? Как говорится, наш ларек – нам всем утеха, реет смыслом на ветру. Это еще до запрета продавать бухло после одиннадцати. И до запрета ларьков вообще. И в ларьке был Мучачос, его так историки прозвали. Из Таджикистана вроде был мужик. Насколько же все тогда другое было. Интеллигентный мужик, работал у себя на родине телеведущим. Когда СССР распался, он с семьей приехал в Москву, пытался устроиться, и вот работал в ларьке. Фарид, кажется, его звали. Но ты когда его видел в первый раз, сразу понимал – он Мучачос. Такой латиноамериканский мужик с тонким и сложным лицом в ночном московском ларьке, прикинь. И я сидел у него ночами. Февраль, фонари, снег. Зеленые автобусы – помнишь зеленые автобусы? Я рассказывал ему про Земфиру³, подарил диск с «Вендеттой». Он честно слушал, сказал что-то вроде: изысканно, но мрачно. Изысканно, вот. Даже это мое сидение у него по ночам сейчас кажется изысканным.

А почему сидел? У меня был страх, что общагу ночью взорвут. Вот две тысячи восьмой год, уже давно ничего нигде, а у меня страх. Сначала накрыло в метро. Увидел забытую сумку, нажал на эту кнопку, сказал машинисту и хотел

³ Внесена в реестр лиц, признанных Минюстом РФ иностранными агентами.

выйти. Машинист сказал что-то непонятное, как они всегда говорят. Быстро закрыл двери и поехал дальше. Я не успел выйти и весь этот перегон думал, что именно сейчас сумка взорвется. Прибежал в общагу и порадовался, что тут мне не страшно. Вечером тем же накрыло и насчет общаги, что ее тоже взорвут. Оделся тепло, вышел, купил «Балтики-девятки» и сигарет. «Балтика» тогда пятьдесят рублей стоила, мои сигареты, *LD* «красное», двенадцать. И сидел. Февраль, март и половину апреля просто сидел.

Почему страх? Ну вот не хотел ничего делать, никуда ездить – от метро как бы спрятался. Хотя в универ пешком можно было ходить. В общаге было плохо, видимо – сбегал из общаги. Она закрывалась с двух до шести ночи. А я уходил еще вечером, когда соседи с пар возвращались. С девяти вечера примерно до... получается, девяти утра я на улице тусил, пока соседи опять не уйдут на пары. Понятно, что при таком режиме мне было не до универа. Отсыпался днем. Наслаждался одиночеством.

Что делал на улице? Земфиру⁴ слушал, записи концертов. В плеере, телефонов же еще не было. В те времена в ЖЖ – про ЖЖ надо отдельно, конечно, рассказывать – был такой специальный чувак *Klocha*, большой ценитель. Я эти концерты у него скачивал и слушал. Тур «Дежавю», потом, как раз весной две тысячи восьмого, уже «Спасибо». Песня «В метро», кстати. Первого апреля она традиционно давала боль-

⁴ Внесена в реестр лиц, признанных Минюстом РФ иностранными агентами.

шой концерт в «Олимпийском». И вот я сидел под общагой, и моя приятельница с филфака, которая на этот концерт пошла, позвонила из «Олимпийского» и дала послушать. Какая песня была, не помню. «Спасибо»? Но если «Спасибо», то это уже почти конец концерта, перед бисами. То есть часов девять. А это был ранний вечер. Первые сумерки, серый свет. В общем, не помню.

Но помню, что тогда я подумал: все, это предел, надо выбираться. Докатился, концерт Земфиры⁵ не могу себе позволить. Ни денег же, ничего не было. Это не жалость к себе была в тот момент, нет. До этого как раз всю дорогу была жалость к себе – поэтому сидел. А тогда злость была, и еще стыдно стало. Это, наверное, и помогло. В общем, стал пробовать потихоньку выбираться. Как накрыло в феврале, помню, а вот как отпустило, когда в апреле впервые смог остаться и уснуть в общежитии – не помню. А в мае я уже ту девушку хорошую очень, Ульяну, встретил. Но это, конечно, надо отдельно рассказывать.

Холодно было? Да нет, почему-то. Хотя февраль же, и пиво. А, ну с марта я уже у Мучачоса в ларьке тусил. Вот что он рассказывал, не помню. Наверное, жалел он меня как-то. Старался обогреть во всех смыслах, обогреватель включал, и Земфиру⁶ слушали. Хороший был очень мужик. Но мне и на улице не холодно было. Нормально. У меня был свитер

⁵ Внесена в реестр лиц, признанных Минюстом РФ иностранными агентами.

⁶ Внесена в реестр лиц, признанных Минюстом РФ иностранными агентами.

с горлом и черное пальто. Я же тогда как король драмы одевался. Эту одежду я купил на «Черкизоне». Помнишь «Черкизон»? А «Горбушку» помнишь?! Я, оказывается, многое помню. Хотя еще больше хотел бы забыть.

Так, что я собирался рассказывать? Про девушку хорошую очень. Как бы это сформулировать для твоих зрителей... Любовь лечит депрессию. Но чтобы встретить любовь, надо сначала вылечиться от депрессии. То есть, опять же, нужно сначала понять, что первично...

– До этого интересно было, а сейчас опять какое-то уныние погнал. Пацаны, отрежьте потом после «Горбушки».

7:51 Интересно проводить время

– ...Счастливого пути.

– Спасибо!

– Уходят. Уезжают.

– И что это было?

– Антинаркотический рейд, он же сказал. Поехали отсюда.

– И почему они нас отпустили?

– Я сказал же, что мы выбрались на пикник.

– Я думал, я тебя убью за этот «пикник».

– Но помогло же.

– Хорошо. Но почему они обыскали машину и просто уехали?

– Потому что ничего не нашли. Потому что мы сами ничего не нашли. А у тебя детское кресло, и игрушки в багажнике. Тоже, наверное, подействовало позитивно.

– А почему они мой перегар не почувствовали?

– Потому что они сами бухие.

– Откуда ты знаешь?

– Если бы ты работал конным полицейским на Лосе и ездил ночью вокруг оврага ловить таких, как мы, – ты бы смог быть трезвым?

– Хорошо. Но почему они на белых лошадях? И сами в каких-то белых плащах, накидках?

– Я думаю, это у них новая экспериментальная форма. Чтобы ночью в лесу их было хорошо видно. Мы же их сразу увидели, издалека.

– Зачем полицейским форма, в которой их видно издалека?!

– А может, это тоже какой-то новый, опять же экспериментальный подход тут тестируют. Вот кто-то собирается совершить правонарушение. Видит полицейского и не совершает. Предупредить проще, чем раскрыть, посадить и так далее. И всем хорошо.

– Я бы сказал, что ты главный единорог, которого я встречал, если бы только что я не встретил двух других, причем очень похожих на настоящих.

– Мы поедем куда-нибудь или будем тут стоять, пока они не вернутся?

– А как я поеду? Я же пил.

– Слушай... А почему ты пил?

– Не знаю...

– А я тебя не остановил... Выпало как будто, что ты за рулем. Зачем ты пил?!

– Тоже выпало... Выпить хотелось сильно... Что делать теперь?

– А это какой-то волшебный лес. Сказочное пространство, прикинь. Что делать?.. Спрятать машину и опять идти пешком.

– Куда?

– Ну туда же, куда изначально.

– Чтоб нас уже точно приняли? Когда у нас с собой что-то будет?

– Тогда домой. Выйдем на дорогу, закажем Яндекс.

– А забирать когда будем?

– Завтра.

– А что изменится завтра?

– Завтра мы будем трезвые. Тут кончится этот рейд. И вообще, завтра что-то изменится, я чувствую.

– Время здесь странно идет.

– Время в последнее время вообще идет очень странно.

– Ладно, поехали. Пойдем, точнее.

– Машину давай поставим в этот прогал. И лапником забросаем, замаскируем.

– Я сейчас тебя лапником забросаю. У вас там в тайге все так разговаривают: «прогал», «лапник» – как лесники?

– Это не лесники, а, наоборот, книжная лексика. Если вплетать в разговорную речь, получается более изысканно.

– Ох...

– Не вздыхай так – стекла потеют.

– Стекла потеют, потому что мы полторы бутылки коньяка на двоих всосали. Если мы машину замаскируем, ее точно вскроют.

– Кто?!

– Такие же, как мы.

– Я вот, например, не смог бы машину вскрыть.

– Ты бутылку коньяка не можешь вскрыть. Ладно... Здесь поставим. Никто ее не тронет. Вторая бутылка у тебя же? Давай, это... Раз все равно пешком пойдем. На такси то есть поедем.

– Почему нет.

– Я же в принципе не пью.

– А почему ты так стесняешься? Твои уехали. Мы в лесу, ночь, тут уютно, я пью. Что тебе мешает тоже спокойно выпить?

– Какое-то помутнение на меня нашло.

– Слушай. А у меня идея.

– Допить коньяк и тут лечь спать в прогал? Лапником накрыться?

– Не. Твои же уехали?

– Ну.

– До какого?

– Через три дня приезжают.

– Вот. Помнишь, как мы интересно проводили время, когда твои в семнадцатом уезжали?

– Помню. В «Икеюшку» по субботам ночью ездили. Потом у меня сидели в темноте. И ты говорил непонятное: «Последние вещи. Последние вещи».

– Вот.

– Что «вот»?

– Хорошее было время.

– Потому что тогда у нас было! А сейчас нету.

– Во-от. А завтра будет. Поэтому сегодня можно чуть-чуть забухать. А завтра уже будем сидеть и снимать похмелье. Поехали ко мне, короче. У меня дома коньяк еще есть. И «Нутелла» опять же, на закусь. Ну а что, сейчас разъедемся по домам? Если завтра опять ехать.

– Сначала надо добраться хоть докуда-то. Мы вообще-то в лесу, непонятном и страшном. Давай сначала дойдем до дороги. Если нам сильно повезет, вызовем такси.

– Пойдем.

– Ты можешь так не хлопать дверью?

– Если не хлопнуть, ты скажешь – дверь не закрыл. Все вы, водители, так говорите. Либо «не хлопай», либо «не закрыл».

– Я не водитель, я автолюбитель.

– А я автонелюбитель. Так хочешь расскажу, как я тогда с Можайки-то добрался? Когда мы поссорились.

– Да проехали же вроде ту историю.

– Да не, это смешно было.

– Коньяк давай.

– Сказочный лес, волшебный коньяк... Короче! Я тогда сильно переживал из-за Сони.

– Ты рассказывал тогда это весь вечер. Что ты переживаешь, скучаешь и так далее.

– А, ну хорошо, что рассказывал. Значит, эту часть можно пропустить.

– Пропусти, пожалуйста.

– Вот. А наутро у меня было похмелье. Очень хотелось домой. Плюс мы поссорились. Плюс после палатки мне всегда плохо. Ну, не всегда, но тогда было. Я вышел из леса, дошел до дороги, стал вызывать такси...

– Как ты на Можайке вызвал такси?

– Приложение ничего не находило, конечно. Но я позвонил в службу поддержки и сказал, что мне очень нужно такси. Вежливо, спокойно сказал, и хорошая женщина мне ответила, что такси будет нескоро, но будет. У меня, естественно, телефон садился. Но главное – у меня шлепанцы кожаные размокли, когда мы на лодке пьяные по озеру катались. И я знал, что они развалятся, когда приедет такси. И такси приехало минут через сорок, и я сел, и они развалились.

– История.

– Ты дальше слушай. Водитель был стремный мужик. Он спросил, сколько в приложении поездка будет стоить. Я сказал.

– Сколько?

– Честно говоря, я до сих пор не готов об этом говорить. Водитель предложил отменить заказ и дать ему налом на тысячу меньше. Вроде выгодно, я согласился. Поехали. Он спрашивал, как я оказался там один и без обуви. Я молчал и сидел в наушниках, потому что боялся, что если начну говорить, то нагрублю ему, и он меня высадит опять посреди леса босиком. У меня дневной запас вежливости и спокойствия закончился на хорошей женщине из службы поддержки. Но

что характерно, доехали. До «Парка культуры».

– Зачем тебе босиком нужно было на «Парк культуры»?

– Так я до дома хотел. А он, видимо, обиделся, что я разговаривать не хочу. Попросил деньги, остановился возле метро и высадил. Но, скорее всего, от меня энергия плохая шла.

– И ты босиком в метро ехал?

– Не. Меня бы тогда приняли точно. Я вызвал второе такси, уже нормальное. Доехал до дома, помылся, побрился. И сел похмелье снимать. Такой хороший был день.

– Не думаю.

– Когда потом вспоминаешь, все кажется хорошим.

– Надеюсь, мы сегодня не поедем со стремным таксистом, босиком.

– Нормально все будет. Поехали ко мне, посидим!

– Да поехали, поехали... Только не посидим, а спать уже надо будет.

– Тогда, кстати, я нормально дошел по двору босиком до дома. Никто даже полицию не вызвал.

– Почему кто-то должен был вызвать полицию из-за того, что ты шел по двору босиком?

– Так ко мне же вызывали полицию из-за того, что якобы у меня коронавирус. И скорую еще потом вызывали. Я не рассказывал?

– Тише говори. Дай коньяк. Рассказывай.

8:17 Депрессия – 2

– А потом у меня была депрессия настоящая.

Хотя нет, надо начать чуть более издалека. Я до этой настоящей депрессии один раз ходил к психотерапевту, но такому, ненастоящему. Кто-то на работе мне подарил разовый бесплатный сеанс. Вот тоже, да? – как надо общаться с коллегами, чтобы они подарили тебе поход к психотерапевту? Но ладно. Пошел.

Женщина – ненастоящий психотерапевт – спросила, в чем моя проблема. А это вообще-то главный вопрос человека: в чем его проблема. Ну, сразу понял, что она не очень как психотерапевт, и просто из любопытства стал с ней болтать. Сеанс-то бесплатный. Сказал, что мне не очень нравится моя жизнь. Извините – какой вопрос, такой и ответ. И она предложила что-то вроде... разложить свою личность на «облачка» и посмотреть на них со стороны. Ну, не повезло мне с психотерапевтом тогда. Это же вообще главная проблема человека: найти своего психотерапевта.

С психиатром зато потом повезло. Он был настоящий. И он мне сказал, что депрессия у меня настоящая. Тоже на работе мне его нашли, но на другой уже работе. И опять: что же я такого там делал, что коллеги отправили меня к психиатру... Да нет, ничего такого, конечно, не делал. Тоже, видимо, кому-то пожаловался на состояние. И меня по благу от-

правили к очень крутому врачу. Я не буду его называть. Его имя слишком известно, чтобы его называть. Ладно, пошел. Бесплатно же тоже.

Начал ему рассказывать вот это все стандартное – бессонница, раздражительность, слабость, дисфория. Более того, ангедония. У меня уже психосоматика тогда началась: я однажды выключился на работе. Сидел на стуле, с открытыми глазами, но никого не слышал и не видел. Через пару минут пришел в себя – коллеги руками машут, тормозят, беспокоятся. Так и не понял, что это было за состояние.

Потом я утром встал с кровати и упал, такая слабость была в ногах. Трезвый был, да. Ну, с похмелья, но трезвый. Я когда к этому врачу шел, уже знал, что у него главная специализация – наркология. И боялся, что он сразу поймет, что я бухаю. И просто скажет мне, что нужно просто перестать бухать. Но нет.

Он меня послушал меньше минуты и мягко так остановил: в стационар наш лечь хотите? Я испугался: не хочу. «А как вы поняли, что мне нужно в стационар?!» В общем, он меня сразу раскусил, но не в том смысле, в каком я боялся. Объяснил, что я могу рассказывать все что угодно, и он с удовольствием меня еще слушает. Но он не столько слушает мои слова, сколько смотрит на мою мимику, моторику, темп речи. Смотрит, как я зашел, как сел, как я говорю. И он сразу понял, что у меня депрессия, и мне нужно в стационар. Вот что значит настоящий врач!

И я горячо, вдохновенно ему сказал, что я хотел бы лечиться дома. Что я интроверт и домосед, и что дома мне точно будет лучше, чем в незнакомом и страшном месте – стационаре. И врач со мной согласился: раз так, лечитесь дома. Вот что значит попасть по благу к очень крутому врачу. И он выписал мне два рецепта: на пакзил и зонапакс. Сказал, по какой половинке какой таблетки когда принимать, звонить с жалобами ему в любое время, приходить через три дня показаться. И отпустил. А, не сразу отпустил: спросил, есть ли у меня деньги на таблетки. И предложил, если нет, дать. Я смог себя пересилить и ответил, что деньги у меня есть. Хотя денег у меня не было. Врач меня отпустил. Денег на таблетки я занял у коллеги. Купил, принял и сел ждать эффекта.

И эффект не заставил себя долго ждать. Это было вечером, а на вечер у меня был зонапакс, снотворное и легкий антипсихотик. И он меня усыпил. Сразу же. После месяца ежедневного бухла, когда я должен был неделю не спать, этот зонапакс меня просто и сразу усыпил. И уже на следующий день я проснулся и почувствовал себя лучше. И в этот же день меня уволили с той работы, где мне нашли этого хорошего психиатра. Сказали, что устали терпеть мои опоздания. Но я уже не переживал из-за работы. Потому что я уже начал пакзил.

Пакзил, антидепрессант и легкий стимулятор, прекрасно на меня подействовал. Через несколько дней пакзила я, прекрасно высыпаясь под зонапаксом, почувствовал, что хочу

двигаться, гулять, есть. И еще, что безумно хочется секса. Понимаешь? Депрессия начала отступать! Половинка пакзи-ла – и я ожил. Часами гулял по району под нового «Мумий Тролля», «Пиратские копии». Заходил в «Верный» возле дома и брал там мороженое в вафельных стаканчиках по тринадцать рублей. Набирал целый пакет, который не помещался в морозилку – стаканчиков пять я съедал сразу. Мой друг Кирич, с которым мы тогда снимали ту прекрасную квартиру на «Добрынинской», потом ругался, что утром он открывает морозилку, а на него вываливается мороженое по тринадцать рублей. И радовался за меня, что я ожил, что я не бухаю, что я что-то делаю. Врач, к которому я раз в неделю ездил и отчитывался о своем состоянии, тоже радовался за меня. И, как я уже понимал, он снова не верил моим словам, а смотрел на мою мимику, моторику, темп речи. Смотрел, как я зашел, как сел, как я говорю. А ходил, сидел и говорил я очень хорошо, красиво, бодро! И врач тоже за меня радовался и сказал снизить дозировку пакзила с половинки таблетки до четвертинки.

Я спал под зонапаксом, а под пакзилом гулял, ел, без конца наводил порядок в комнате и очень хотел секса. И вот тогда я завел «Тиндер». Но это отдельно надо рассказывать.

– Подожди. Извини, но что ты ел и на что собирался водить девушек из «Тиндера» на свидания? Раз тебя уволили, и накоплений, судя по всему, у тебя быть не могло.

– А это целая загадка. Мне те два счастливых месяца,

март и апрель пятнадцатого, продолжала приходить зарплата с той работы, откуда меня уволили. У меня есть теория на этот счет, но такая, шаткая. Рассказать?

– Знаешь, я тоже не верю твоим словам. Пойду схожу за мороженым. Не за тринадцать рублей, конечно. Возьму «Мовенпик». А ты пока рассказывай, что ты там делал под пакзиллом.

– Под пакзиллом, кстати, лучше ничего такого не делать. Потому что да, пакзил стимулирует либидо. Но у зонапакса есть неприятная побочка – он затрудняет...

– Пацаны, это можете не записывать.

– Но это же твой коронный вопрос.

– Ты немножко застрял в семнадцатом году.

– Хороший был год, кстати...

– Да. Но теперь на нашем канале мы говорим о серьезных вещах.

– Еще под пакзиллом я бесконечно смотрел мультик «Барашек Шон».

– Нет, ты меня не разжалобишь.

– Еще я потом пожаловался врачу, что депрессия прошла, а грусть постоянная осталась. А он мне сказал лишь: «Ну, такая у вас личность».

– Не жалко!

8:45 Вы ушли с маршрута

- Ну вот дорога. Давай, вызывай свое такси. Правда, я не знаю, как ты собрался.
- Приложение не находит, конечно.
- Конечно. Откуда ночью в подмосковном лесу приложение найдет тебе такси. Пешком пойдем. До утра, может, дойдем до МКАДа. А там уже спросим.
- Оно нас самих не находит.
- У тебя специальное приложение, «Яндекс. Иван», которое никогда не находит ничего, и в первую очередь не находит Ивана.
- Я в поддержку сейчас позвоню, и хорошая женщина пришлет нам машину.
- Лимузин с шариками и с шампанским. Нет, лучше сразу с коньяком.
- Да ладно тебе. Не отвечает поддержка почему-то.
- Интересно, почему. Хорошая женщина спит, наверное. Ты как хочешь, а я пойду, чтоб не замерзнуть.
- А в какую сторону?
- В эту.
- А почему не в ту?
- Потому что я знаю, где Москва.
- Вот как ты это знаешь? Мы стоим в лесу на дороге ночью. Как понять, куда идти?

– Тебе – никак. Просто пошли.

– Ха-ха-ха. Пожалуйста – едет кто-то. Сейчас он нас добросит.

– Слушай, ты уверен, что?.. Давай-ка в лес назад спрячемся.

– Он останавливается уже.

– Тебе мало было этой волшебной полиции?

– Которая нас отпустила? У тебя слишком много скепсиса. Этот мужик нас довезет до Москвы. У меня предчувствие хорошее. Как говорится, говорить буду я. Здравствуйте!

– Здравствуйте. Что, заблудились?

– Да нет, гуляем просто. Вы же в Москву?

– В Москву. Садитесь.

– Спасибо. Меня Иван зовут. А это мой друг Леонид.

– Я Василий. Ребята, а вы курите?

– А что?

– Я остановился, как увидел, что вы курите. Я бросаю, но сейчас ломает, аж уши сводит. Дайте сигаретку.

– Конечно. А вы остановились, потому что увидели, что мы курим?

– Ну не только поэтому. Я что, брошу людей ночью в лесу? Вдруг у вас беда. Надо же по совести жить.

– У нас беда, да...

– Какая?!

– Василий, у нас нет никакой беды. Иван иногда преувеличивает.

– Да мне все равно. Главное, по совести жить. Вот я, думаете, как живу?

– Все мы живем как можем.

– Вот, правильно, Иван, говорите. Ох, как хорошо! Аж голова закружилась, как после первой сигареты. Я, говорю, стараюсь жить по совести. Я раньше людей обманывал, но все равно старался хотя бы честно обманывать. А сейчас уже все, завязал. Стараюсь честно делать свою работу.

– А что у вас за работа?

– Доставка всякая. Ночная в том числе. По Подмоскovie в том числе. До дач в том числе.

– А что доставляете?

– Ну, всякое. Вещи разные специальные.

– Которые нельзя купить в обычных магазинах?

– Да. Я доставляю людям то, что им нужно прямо сейчас, но что они не могут купить сами прямо сейчас.

– Например?!

– Василий, не обращайтесь внимания на Ивана. Он иногда бывает излишне любопытен.

– Да я сам такой же! Ну, например: бойлер на дачу. Я сам куплю, сам привезу и сам же установлю. Я в основном электрик. Раньше я сантехникой занимался, но это было скорее хобби, для души. И там я людей обманывал. А сейчас стараюсь честно.

– А как обманывали?

– Дайте сигаретку еще.

– Не стоит винить себя за срыв.

– Да я особо и не виню. Ну как... Приезжаю к какой-нибудь бабе богатой. А у нее один смеситель тысяч пятнадцать. И таких смесителей у нее пять. Ну там, на кухне кран питьевой. В ванной две штуки. Плюс биде. Я ей все ставлю, выставляю ценник конский: тридцать тысяч за всю работу. На следующий день она звонит: потекло. Ну я приезжаю опять, переделываю, еще сверху пятнашку беру. Вот это я обманывал. Но это потому что баба богатая. Но старался и честно: с дедушки какого-нибудь возьму по-божески, по рынку. И сразу нормально делаю, чтоб не потекло на следующий день. Вот это по совести я называю. Я же в церковь теперь пошел. И доставкой занялся. И курить вот бросаю. Кстати, вот моя визитка, если что.

– Церковь и доставка хорошо. Вы только бойлеры, значит, доставляете?

– Нет, не только. Разное могу найти и доставить.

– А вы можете найти и доставить...

– Иван, перестань пытаться Василия. Он уже сказал: бойлеры, на дачу.

– Бойлеры сейчас основной профиль, да. Но и кое-что еще тоже можно. Ребята... Мне заказ срочный упал только что. Я вас могу только досюда добросить. Вон там МКАД. А мне надо туда налево. Срочный заказ в СНТ.

– Спасибо, Василий! Мы с Иваном дойдем, да. Пойдем, Иван.

- Спасибо, Василий...
- Визиточку мою не забудьте.
- Обязательно. Спасибо.
- Дверью посильнее хлопните, а то она не закрывается.
- До свидания, Василий! Уехал наш шанс...
- Ты чего докопался до мужика?
- Ну он же кладмен!
- С чего ты взял, что он кладмен?
- Ну по нему сразу видно, что он кладмен!
- По нам тоже сразу видно, что мы кладмены. Хотя мы наоборот.
- Да... Это во мне говорит нетерпение. Пойдем до МКАДа? Там уже такси вызовем нормально.
- А куда мы пойдем? Ты видишь этот туман? И карты по-прежнему не работают.
- Туман вижу, да. А МКАД уже нет.
- И кроме него ничего. Только что был МКАД. А теперь туман. За минуту заволокло.
- Это предутренний туман. Мы в низине.
- Может, нам надо спуститься в прогал и разогнать туман лапником?
- Ну на пригорок поднимемся, оттуда увидим, куда идти.
- Завез твой Василий нас куда-то.
- Никуда не завез, вон там МКАД, ты же сам видел.
- А теперь не вижу.
- Потому что туман. Но вообще Василий может мне при-

годиться не только для этого. Мне теперь в любой момент может понадобиться бойлер. Мы же дачу купили.

– Ты не рассказывал.

– Хотел сделать сюрприз, позвать вас туда, когда там все готово будет. Но ладно, сейчас расскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.